

Научная статья

УДК 398.8(571.51)(=811.512.111)

DOI 10.17223/18137083/81/4

Народная песенная поэзия чувашей Красноярского края

Екатерина Игоревна Исмагилова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

Аннотация

Статья посвящена характеристике жанрово-стилевых закономерностей песенных текстов, записанных от чувашских переселенцев Красноярского края. Материалом исследования послужили аудиозаписи, выполненные в Большемуртинском (1981 г.) и Казачинском (2009 г.) районах. Жанрово-стилевой состав песен неоднороден. Выделена группа образцов, имеющих узколокальное распространение, – обрядовые или приуроченные к ритуальным ситуациям песни. В текстах обрядовых и традиционных лирических песен сохраняется ряд закономерностей, свойственных чувашской народно-песенной поэзии (афористический тип стихосложения, двухзвенный образный параллелизм). Существует также наддиалектный пласт текстов более широкого распространения (Сибирь, Поволжье). К этому пласту относится ряд образцов неприуроченной лирики. Формирование общего исполнительского репертуара стало возможным благодаря песням широкого бытования.

Ключевые слова

народные песни чувашей Сибири, анализ песенных текстов, фольклор сибирских переселенцев, фольклорная диаспора

Для цитирования

Исмагилова Е. И. Песенный фольклор чувашей Красноярского края // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 49–62. DOI 10.17223/18137083/81/4

Folk song poetry of the Chuvash people of the Krasnoyarsk Krai

Ekaterina I. Ismagilova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

Abstract

To create an adequate picture of the existence of the oral folk art of the Chuvash settlers, it is necessary to characterize individual micro-local traditions. Such traditions include song sam-

© Исмагилова Е. И., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 49–62
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 49–62

ples recorded from the Chuvash of the Krasnoyarsk Territory in the Bolshemurtinsky (1981 year of recording) and Kazachinsky (2009 year of recording) regions. Genre-style composition of songs is heterogeneous. The calendar layer of folklore is represented by Maslenitsa and round dance songs. Life cycle patterns include wedding and recruiting songs. Untimed lyrics includes guest and traditional lyric songs, late lyric samples of the late 19th and 20th centuries, songs with plots and melodies borrowed from Russian folklore, and author's songs. During youth meetings, ditties were performed in the Chuvash and Russian languages. The texts of ritual and traditional lyrical songs preserved a number of patterns that are characteristic of the Chuvash folk song poetry. These include the aphoristic type of versification, brevity of plot, two-link figurative parallelism. The texts of the songs accompanying the rite describe the ritual actions in detail. Ritual songs most often have a narrow local timing. There is also a supradialect layer of texts of much wider distribution (Siberia, the Volga region). This layer includes samples of untimed lyrics: some guest songs, many lyrical songs (especially of late origin), songs with borrowed plots and tunes, some ditties. Chuvash settlers who came from different places developed a common repertoire, one that includes songs known to most performers.

Keywords

folk songs of the Chuvash of Siberia, analysis of song texts, folklore of Siberian settlers, folklore diaspora

For citation

Ismagilova E. I. Folk song poetry of the Chuvash people of the Krasnoyarsk Krai. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 49–62. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/4

В настоящее время одним из актуальных вопросов сибирской фольклористики и этномузыковедения является изучение фольклорных традиций неславянских переселенцев в Сибири – чувашей, мордвы, удмуртов [Леонова, 2015; Шахов, 2020]. В русле этих исследований сформировано обобщенное представление о состоянии чувашско-сибирского нематериального культурного наследия, в частности о песенном фольклоре [Исмагилова, 2017; 2018]. Для создания же более подробной и точной картины бытования устного народного творчества чувашских переселенцев необходимо сконцентрировать внимание на характеристике отдельных микролокальных традиций. К подобным традициям принадлежат песенные образцы, зафиксированные от чувашей Красноярского края, пока еще очень мало введенные в научный оборот и почти не получившие своего научного осмысления¹.

Цель настоящей работы заключается в описании жанрово-стилевых закономерностей песенного фольклора чувашских переселенцев, проживающих в двух районах Красноярского края. В задачи исследования входили характеристика жанрового состава, рассмотрение поэтико-стилевых особенностей текстов песен, выявление процессов формирования современного исполнительского репертуара.

Материалы статьи представляют собой аудиозаписи двух фольклорных коллекций. Первая из них относится к 1981 г. Эти записи выполнил тобольский композитор, чуваш по происхождению Николай Васильевич Пуганов в деревне Еловка Большемуртинского района². Вплоть до 2021 г. эти аудиоматериалы оставались практически никому не известными и были случайно обнаружены автором

¹ Отдельные песенные образцы, записанные в Красноярском крае, были рассмотрены в следующих статьях: [Исмагилова, 2013; 2019].

² Аудиозаписи хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, фонд VI 321, дело № 1140.

настоящей статьи в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Вторая коллекция появилась в результате работы музыкально-этнографической экспедиции Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, проведенной под руководством Н. В. Леоновой в 2009 г. в населенных пунктах Казачинского района (Казанка, Александровка, Матвеевка, Рождественское)³. По материалам полевой работы 2009 г. была опубликована статья [Жимулева, Леонова, 2009]. Опираясь на материалы устных рассказов, записанных от чувашских переселенцев и их потомков, авторы рассмотрели процесс заселения чувашами Казачинского района, общее состояние традиционной культуры и чувашского языка, особенности проведения народных праздников и обрядов. Также была кратко охарактеризована жанровая система местной фольклорной традиции и выявлена типология современных коллективов, исполняющих чувашский фольклор. Кроме того, в статье упоминается о деятельности региональной национально-культурной автономии Красноярского края, направленной на поддержку чувашской традиционной культуры на рубеже XX–XXI вв.

Материалы Большемуртинского района 1981 года записи

В первую очередь опишем хронологически более ранний по времени записи материал, зафиксированный в Большемуртинском районе. Это 13 песен разных жанров; их исполнителями являются чувашаи 1899–1934 годов рождения (три женщины и один мужчина), переселившиеся в Красноярский край из Красноармейского района Чувашской Республики. Среди этих записей преобладают неприуроченная лирика (6 образцов) и гостевые песни (3 образца). Записана также лирическая песня, созданная в XX в.

Обрядовый пласт представлен меньшим числом образцов: две свадебные и одна рекрутская песни. Можно предположить, что они бытовали в определенном обрядовом контексте, хотя к этим записям отсутствует какая-либо сопроводительная информация (за исключением имен и годов рождения исполнителей). Вероятно, они были исполнены носителями традиции как наиболее актуальные для них и любимые ими и потому лучше всего сохранившиеся в народной памяти.

В текстах этих песен прослеживается ряд закономерностей, свойственных чувашской народно-песенной поэзии. К ним относятся афористический тип стихосложения, краткосюжетность, двухзвенный образный параллелизм как основной поэтический прием [Кондратьев, 2007, с. 63–69; 2018, с. 177–179]. Чувашские обрядовые и традиционные лирические песни имеют лаконично изложенный сюжет в объеме каждой отдельной строфы. Этот сюжет как бы «свернут», обобщен, проявляется в виде указания на тему, содержание высказывания. Интересно, что представление о специфике чувашского стихосложения присутствует и в народной саморефлексии: «Краткие песенные сюжеты чувашаи называют *çавра юрă*, что означает буквально “круглая” (или “закругленная”) песня» [Кондратьев, 2018, с. 178–179].

Двухзвенный параллелизм особенно ярко проявляется в обрядовых песнях. Так, например, в рекрутской песне на нем строится весь текст⁴:

³ Материалы экспедиции хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, аудиокolleкция А0244. В экспедиции также принимала участие автор настоящей статьи.

⁴ Расшифровки и переводы текстов, записанных в Большемуртинском районе, выполнены А. А. Александровым, за что мы выражаем ему благодарность.

*Сар ка(о)ййкӑн савӑнасси олӑх*⁵
Оттин[е] ой ҫоличчен.
Пир[ӗ]н хамӑр[ӗ]н та
Савӑнасси атте кил(ӗ)нчен ай
тухаччен.

Иволга будет радоваться до тех пор,
Пока, ой, не выйдут на сенокос.
Мы будем радоваться до тех пор,
Пока, ай, не покинем дом отца.

Этот структурный и поэтический прием встречается также и в образцах песен лирического содержания:

*И тил юртать, тил юртать те*⁶,
Ҫипрен ҫинҫе ҫуллала.
Мана савни ӱпкелешет,
Выляса каланӑ сӑмахшӑн,

Лисичка рысцой бежит
По дорожке, что тоньше веревочки.
Мой любимый ругается
Из-за слов, которые я сказала случайно.

Часто двухзвенный параллелизм реализуется при помощи слов-символов. Например, в лирической песне, исполненной Н. П. Павловым (1931 г. р.), в первой строфе говорится о липе и дубе, символизирующих собой девушку и парня, образы которых появляются во второй строфе:

*Юри те карӑм вӑрманне*⁷,
Ҫӑка та йывӑҫ шыраса.
Ҫӑка та йывӑҫ тӗл пултӑм,
Юманпала та юнашар.

Специально в лес пошел,
Чтобы поискать липовое дерево.
Встретил я липу,
Она стояла рядышком с дубом.

Юри те карӑм улаха,
Сарӑ та хӗре курасиӑн.
Сарӑ та хӗре тӗл пултӑм,
Сарӑ каччӑпа юнашар.

Специально пошел на посиделки,
Чтобы девушку светловолосую увидеть.
Светловолосую девушку увидел,
Она была рядом со светловолосым парнем.

Помимо текстов, повествующих о взаимоотношениях молодых людей, в образцах неприуроченной лирики встречается еще один характерный для чувашской традиционной поэзии образ – так называемая песня о песне, содержащая эмоционально-эстетическую оценку пения⁸:

*Улӑха антӑм, купӑста лартрӑм*⁹,
Купӑстийӗ пулчӗ нарпус нек,
арпус нек.
Урама тухрӑм, юр юрларӑм,
Юррӑм кайрӗ инҫене, мухтава.

На луг спустилась я, капусту посадила,
Капуста уродилась размером с арбуз,
с арбуз.
Вышла на улицу, да песню спела,
Песня разлетелась далеко, на славу.

Ценность пения отражена и в песне, сложенной уже в XX в. и повествующей о реалиях жизни в колхозе:

⁵ Записано от В. Е. Ефремовой (1899 г. р.).

⁶ Записано от Л. В. Николаевой (1934 г. р.), О. Ф. Степановой (1930 г. р.).

⁷ Первая строка здесь и в следующей строфе повторяется дважды.

⁸ О высоком статусе песни и пения в чувашской традиционной культуре см. в [Кондратьев, 2018, с. 39–41].

⁹ Записано от Л. В. Николаевой (1934 г. р.).

*Манън старик тракторист та*¹⁰
Хам доярка фермъра,
Ой вара, мён вара,
Юрламалла мар-и-ха?
Сирёнпеле пирён пёрле
Ташламалла мар-и-ха?

Мой старик тракторист да,
А я доярка на ферме.
Ой ли, а что?
Не петь, что ли?
Вам и нам вместе
Не танцевать, что ли?

Иначе выстроены тексты, сопровождающие обряд. В свадебных песнях подробно описаны обрядовые действия, которые необходимо было выполнять в определенном момент ритуала. Так, например, в песне родственников и друзей жениха описывается ситуация приезда сватов за невестой:

*Ик пар лаши юнашар*¹¹,
Ѕилхи виттёр ѳил выллатъ,
Пёкки виттёр пурт кърнатъ те,
Хътан алак чънтърлй,
Чънтър виттёр хёр курнатъ,
Ѕавна илме килтёмёр.

Две пары лошадей рядышком,
В гривах ветер играет,
Сквозь дугу дом видно.
У нашего свата двери резные,
Сквозь резьбу деву видно,
За ней мы пришли!

Пире хъта хваттер яр,
Хваттер яр та хёрне пар,
Этир панъ укѳине те
Сётел ури тайличчен,
Этир панъ(н) укѳине
Сётел ури тайличчен.

Пусти нас, сват, в квартиру,
В квартиру пусти да дочку отдай,
Мы дали столько денег,
Что ножки стола подломились,
Мы дали столько денег,
Что ножки стола подломились.

В другом свадебном тексте, также исполняющемся со стороны родственников жениха, звучат шуточные напутствия и предостережения для невесты. В них поговаривается о том, как нужно вести хозяйство, чтобы угодить будущей свекрови:

*Пир[ё]н апине йорас пулсан*¹²,
Хура курак търиччен
Хоран ѳоса ѳакмалла,
Салакайк търиччен
Салма яшки п[ё]ѳермелле.
Пир[ё]н апине юрас п[ул]ать.

Чтобы угодить нашей матушке,
Еще до того, как проснется ворона,
Надо помыть и повесить черный котел.
Еще до того, как проснется воробей,
Надо суп с галушками приготовить,
Нашей матушке надо угодить.

Пирён апин хур нуммай,
Кикак теѳ те, какак теѳ.
Ѕавън сассипе тймасан,
Пирён апи пит хаяр,
Ѕавън сассипе тйрас п[ул]ать,
Хуран ѳуса ѳакас п[ул]ать.

У нашей матушки гусей много,
Кигак да кагак гогочут.
Если под эти звуки не встанешь,
То наша матушка весьма сурова,
Поэтому надо под эти звуки встать
И повесить черный котел.

¹⁰ Записано от Л. В. Николаевой (1934 г. р.), О. Ф. Степановой (1930 г. р.).

¹¹ Записано от Л. В. Николаевой (1934 г. р.).

¹² Записано от Л. В. Николаевой (1934 г. р.), О. Ф. Степановой (1930 г. р.).

В отношении диалектной принадлежности песен, записанных в Большемуртинском районе, укажем, что она смешанная. В большинстве текстов преобладает средненизовой диалект (*анат-енчи*), присутствуют также отдельные особенности верхового диалекта (*вирьял*). Например, в гостевой песне, записанной от старшей исполнительницы – В. Е. Ефремовой (1899 г. р.), в первой строфе звучат распевы со слогами *ой-йо-ра-я-я-а-я*, *рай-йо-а-я-я*, характерные для диалекта *вирьял*; в другом образце присутствует слово *апи* – *мать*, также употребляемое именно у верховых чувашей [Чуваши..., 2009, с. 167]. Возможно, подобное совмещение черт разных диалектов сложилось еще на материковой территории, в Красноармейском районе Чувашии, где проживают представители *вирьял* и *анат-енчи* [Там же, с. 166]. Или же здесь можно наблюдать смешение диалектов и стирание их особенностей, свойственное как сибирскому, так и общечувашскому бытованию языка [Там же, с. 169].

Можно сказать, что 13 песен, записанных в д. Еловка Большемуртинского района Красноярского края, являются ценными свидетельствами о бытовании чувашского фольклора в Сибири во второй половине XX в.; интересны они и для изучения, могут также быть применены в современной исполнительской практике. Однако, не имея практически никакой контекстной информации – об обстоятельствах их звучания и об исходной микролокальной традиции, которую они представляют, нам достаточно сложно интерпретировать эти образцы в полной мере. Для того чтобы эти тексты «заиграли» всеми своими гранями и смыслами, необходимо охарактеризовать их в контексте родной для них материнской традиции. Поиски в этом направлении – перспектива для будущих исследований.

Материалы Казачинского района 2009 года записи

Состав исполнителей, от которых были выполнены эти записи, достаточно пестрый как по территориям своего выхода, так и по времени появления в Сибири. Часть из них – 11 человек – родились в Казачинском районе Красноярского края (деревни Казанка, Межталовка, Живой Ключ, Александровка и др.) в 1920-е – 1930-е гг. Их родители приехали из Янтиковского, Урмарского, Красноармейского районов Чувашии¹³. Можно сказать, что именно эти люди являются сибирскими чувашам в полном смысле этого слова, поскольку они здесь родились, выросли и были свидетелями живого бытования чувашского фольклора на сибирской земле. Трое исполнителей были привезены родителями из Чувашии в детском возрасте в тот же довоенный период. Соответственно, они также были хорошо знакомы с бытованием чувашского фольклора в Сибири.

Девять информантов относятся к волне позднейших переселенцев, приехавших в Красноярский край в 1960–1970-е гг. Территории их выхода достаточно разнообразны: Аликровский, Батыревский, Вурнарский, Канашский, Красночетайский, Цивильский, Шумерлинский районы Чувашской Республики.

Закономерно, что и состав песенных образцов, записанных от чувашей Казачинского района, довольно пестрый. В процессе полевой работы участники экспедиции старались снять синхронный срез существования традиции, максимально

¹³ Настоящая информация была получена нами от самих носителей традиции. Полное восстановление картины переселенческого процесса XX в., с опорой на архивные и опубликованные исторические источники, еще ждет своего исследователя – специалиста в этой области.

зафиксировать всё, что имелось на тот момент в практике активного и пассивного хранения. Было записано около 60 фольклорных текстов, включая текстовые варианты, из них 36 песен, 16 частушек, семь образцов фольклоризованных православных песнопений. Календарный пласт фольклора представлен масленичными песнями *сăварни юрри*, а также хороводно-игровыми *вăйй юрри*, имеющими весенне-летнюю календарную приуроченность. В период празднования Пасхи (*Мункун*) в некоторых чувашских семьях исполнялись пасхальные песнопения (тропарь, ирмос первой песни канона). К образцам жизненного цикла относятся свадебные (в том числе редко фиксируемый образец свадебного плача) и рекрутские песни. Во время совершения похоронных ритуалов, как правило, вплоть до настоящего времени исполняется церковное песнопение Трисвятое (на чувашском и церковно-славянском языках).

Неприуроченная лирика включает в себя гостевые и традиционные лирические песни, образцы поздней лирики конца XIX – XX в., песни с сюжетами и напевами, заимствованными из русского фольклора, а также авторские песни. Во время молодежных собраний звучали частушки. Как и во многих других полиэтнических регионах, в Сибири их исполняли на русском и на родном для носителей традиции языках.

Рассмотрим особенности текстовой организации песен перечисленных жанров. В текстах хороводных песен, как и в других образцах традиционной чувашской песенности, определяющую роль играет двухзвенный параллелизм¹⁴:

<i>Сёмёрт сешки сурăлсан</i> ¹⁵ ,	Когда расцветает черемуха,
<i>Върман витёр курăнать.</i>	Лес виден насквозь.
<i>Шурă кёпе тăхăнсан,</i>	Если белое платье надеть,
<i>Вăйй витёр курăнать.</i>	Хороводы видны насквозь (издалека).

Заметим также, что присутствие в репертуаре хороводных песен *вăйй юрри* свидетельствует о принадлежности их исполнителей к низовым или же средненизовым чувашам, поскольку в этих музыкальных диалектах в той или иной степени сохранились образцы этого жанра (в отличие от верховых чувашей) [Кондратьев 2007, с. 106].

Горечь и печаль предстоящей разлуки выражены в текстах рекрутских песен *салтак юрри* также при помощи образного параллелизма:

<i>Казанка урамё, ах, сатма нек</i> ¹⁶ ,	Улица Казанки, ах, словно сковорода ¹⁷ ,
<i>Этирех утса савнас сук.</i>	Не нам [по ней] шагать и радоваться.
<i>Казанка хёрёсем, ах, сьрла нек,</i>	Девушки Казанки, ах, словно ягоды,
<i>Этирех илсе савнас сук.</i>	Не нам брать их [замуж] и радоваться.

¹⁴ Расшифровки и переводы текстов, записанных в Казачинском районе, выполнены Е. В. Федотовой, за что мы выражаем ей благодарность.

¹⁵ Записано от О. И. Никифоровой (1927 г. р.), З. В. Красновой (1924 г. р.) в д. Казанка. Каждая строка исполняется дважды.

¹⁶ Записано от О. И. Никифоровой (1927 г. р.), З. В. Красновой (1924 г. р.) в д. Казанка.

¹⁷ Имеется в виду, что улица такая же гладкая, как сковорода. Ровная, гладкая улица – это образ родной земли в переносном значении.

В одном из образцов проводится параллель: платок и девушка. В чувашской традиционной культуре платок символизирует собой девический или женский образ, что отражено в тексте песни:

<i>Вёç-вёç тутър, вёç тутър та</i> ¹⁸ ,	Развевайся, развевайся, платок,
<i>Вёçмесен эсё тутър мар,</i>	развевайся платок да,
<i>Йёр-йёрех, савни, ах, йёр, савни,</i>	Если не [будешь] развеваться –
<i>Йёмесен эсё савни мар.</i>	ты не платок.
	Плачь, плачь, любимая, ах, плачь,
	любимая,
	Если не [станешь] плакать –
	ты не любимая.

Радость праздника, образы молодецкой удали, призыв праздновать, соревноваться в силе и ловкости переданы в масленичных песнях *çăварни юрри*. Как и во многих других обрядовых песнях, в них перечислены действия, сопровождающие обряд, а именно масленичные катания-соревнования на санях:

<i>Ç[ă]варни, ç[ă]варни, ах, тееççё</i> ¹⁹ –	Масленица, масленица, ах, говорят –
<i>Акă çитрё çăварни, çăварни!</i>	Вот и пришла масленица, масленица!
<i>Виç нар лаша, ах, кўлер-и,</i>	Ах, запрежем ли три пары лошадей,
<i>Тавлаштарма тухар-и, тухар-и?</i>	Выйдем ли, выйдем ли состязаться?
<i>Çакă Казанка хёрёсене</i>	Девушкам этой [деревни] Казанки
<i>Кёвёçтерме тухар-и, тухар-и.</i>	Дадим ли повод ревновать?

Обрядовые действия переданы и в свадебных песнях *туй юрри*. В одной из них, исполняющейся подружками невесты в ожидании свадебного поезда жениха, содержится описание этой ситуации ожидания и будущей встречи жениха, а также восхваление невесты и всех участников праздника:

<i>Айа-йа-йа-рай-ай-айа</i> ²⁰	Айа-йа-йа-рай-ай-айа
<i>Туя туй нек тăвар-и?</i>	Свадьбу как свадьбу сыграем?
<i>Юр нек шурă тăхăнар-и?</i>	Как снег в белое оденемся ли?
<i>Юр нек шурă тăвар-и?</i>	Как снег в белом сыграем ли?
<i>Ай-йа-йа-най-ай-айа</i>	Ай-йа-йа-най-ай-айа
<i>Пирён хёрё начар мар.</i>	Наша невеста не плохая.
<i>Тăпър-тăпър ут килет,</i>	<i>Тыбыр-тыбыр</i> ²¹ идут кони,
<i>Тухса пăхър кам килет,</i>	Выйдите, посмотрите, кто идет,
<i>Пурте ыр сын ачисем,</i>	Все добрых людей сыновья,
<i>Пурте ыр сын хёрёсем,</i>	Все добрых людей дочери,
<i>Ай-йа-йа-най-ай-айа</i>	Ай-йа-йа-най-ай-айа
<i>Пурте ыр сын хёрёсем.</i>	Все добрых людей дочери.

¹⁸ Записано от О. И. Никифоровой (1927 г. р.), З. В. Красновой (1924 г. р.) в д. Казанка.

¹⁹ Записано от З. В. Красновой (1924 г. р.) в д. Казанка.

²⁰ Записано от О. И. Никифоровой (1927 г. р.), З. В. Красновой (1924 г. р.) в д. Казанка.

²¹ Подражание частому топанию, стуку копыт коня.

Ёненмесен тухса пӑх,
Тухса пӑх та и[л]се кӑр.

Если не веришь – выйди посмотри,
Выйди посмотри да в дом заведи.

В текстах, исполняющихся во время встречи невесты во дворе жениха, очень часто звучат насмешки над ней, утверждается, что она неумеха, т. е. происходит ритуальное корение невесты:

Пирӑн кинӑм пуласси²²
Купӑста касма тухсассӑн
Хупах хуҫса кӑнӑ тет.

Которая должна быть нашей невесткой,
Когда вышла срезать капусту,
Лопуха, сломав, принесла, говорят.

Пирӑн кинӑм пуласси,
Сухан чӑлме тухсассӑн
Хӑях чӑлсе кӑнӑ тет.

Которая должна быть нашей невесткой,
Когда вышла лук щипать,
Осоку, отщипив, принесла, говорят.

В Казачинском районе нами неоднократно фиксировалась широко распространенная как в Чувашии, так и в Сибири гостевая песня *хӑна юрри* о бочке с двенадцатью обручами. В ее тексте восхваляется щедрость и гостеприимство хозяина, в чьем доме происходит встреча, гиперболизируются размеры угощения: посуда, в которой находится хмельной напиток, – бочка с двенадцатью обручами (т. е. огромная бочка), двенадцатилитровая бутылка, обилие еды – чувашский традиционный пирог *хуплу* с мясом трех гусей:

Вун ик кӑшӑллӑ пичкине²³
Ҫапса уҫмасӑр, ёҫсе пӑхмасӑр
каймастпӑр.

С двенадцатью обручами бочку
Пока не откроем ударом,
не попробуем – не уйдем.

Вун ик литтӑрлӑ кленчине
Ҫапса уҫмасӑр, ёҫсе пӑхмасӑр
каймастпӑр.

Двенадцатилитровую бутылку
Пока не откроем ударом,
не попробуем – не уйдем.

Вун ик литтӑрлӑ кленчине
Ҫапса уҫрӑмӑр, ёҫсе пӑхрӑмӑр,
каятпӑр.

Двенадцатилитровую бутылку
Открыли ударом, попробовали, уходим.

Виҫ хуртан тунӑ хуплуне
Касса уҫмасӑр, ҫисе пӑхмасӑр
каймастпӑр.

Из трех гусей испеченный хуплу
Пока, не разрезав, не откроем,
не попробуем – не уйдем.

Виҫ хуртан тунӑ хуплуне
Касса уҫрӑмӑр, ҫисе пӑхрӑмӑр,
каятпӑр.

Из трех гусей испеченный хуплу
Разрезав, открыли, попробовали,
уходим.

Среди образцов неприуроченной лирики выделяется группа песен с сюжетами о переселении в Сибирь – так называемые *переселенческие песни* или *песни переселенцев* (*ҫӑнӑ ҫӑре каякансен юррисем*)²⁴. Одной из них является песня «Отец мне хотел дом по-белому построить» (*Атте мана шур пӑрт лартса парас тет*)²⁵.

²² Записано от О. И. Никифоровой (1927 г. р.), З. В. Красновой (1924 г. р.) в д. Казанка.

²³ Записано от О. И. Никифоровой (1927 г. р.), З. В. Красновой (1924 г. р.) в д. Казанка.

²⁴ Подробнее о песнях переселенцев см. в [Федотова, 2009].

²⁵ Записано от О. И. Никифоровой (1927 г. р.), З. В. Красновой (1924 г. р.), Т. Г. Борисовой (1952 г. р.) в д. Казанка.

В ней повествуется о том, что на родине, в Поволжье, дом, топящийся по-белому, построить невозможно, как невозможно вырасти липе посреди гумна (*Итем варне с̣ака ш̣йтса үсейрес с̣ук*). В Поволжье для этого слишком мало леса и земли. И поэтому «Невольно пришлось ехать в Сибирь» (*Ир̣екс̣ерех кайма лекр̣е Ситире*). В Сибири же, несмотря на дикую природу – «дремучий лес» (*в̣арманта ч̣ар̣аш*), есть возможность построить «дом по-белому». Когда эта мечта будет осуществлена, можно будет позвать в гости родственников, оставшихся на родине:

<p><i>Сём в̣арманта ч̣ар̣аш касса шур п̣үрт тусан та, Пырса кур̣ар, т̣авансем, пир̣ён пат[̣ам̣]ра.</i></p>	<p>Когда в дремучем лесу из ели будет построен дом по-белому да, Приезжайте, родственники, нас проведать.</p>
--	---

Записан и целый ряд других образцов лирической песенности. Как и в рассмотренной выше песне переселенцев, во многих из них присутствует более развернутый, чем в *савра юр̣а*, сюжет, т. е. эти песни принадлежат к более позднему пласту формирования, эпохе нового стиля [Кондратьев, 2007, с. 140–141]. В качестве примера здесь приведем песню о девушке, брошенной возлюбленным²⁶. Этот текст включает в себя подробное описание ситуации, повествует об эмоциях и переживаниях лирической героини:

<p><i>Х̣евел анч̣е те каç пулч̣е²⁷, Сывл̣ам үкре с̣ёр сине. Каçхи с̣ёрте хуй̣ах пулч̣е Ман̣ан с̣амр̣ак ч̣ерене.</i></p>	<p>Солнце село и наступил вечер, На землю выпала роса. Вечером случилось горе Моему юному сердцу.</p>
<p><i>Вай̣йа тухр̣ам, т̣ёл пулмар̣ам Хам юратн̣й савнине, Киле к̣ен̣е чух т̣ёл пулт̣ам Ур̣ах х̣ёрпе ларнине.</i></p>	<p>Вышла в хоровод, не встретила Своего любимого, Когда шла домой, увидела, Как он сидел с другой.</p>
<p><i>Х̣ёрне ай̣иш̣ан ыталан̣а, Пуçне хун̣а ун сине. Сив куçпа с̣еç п̣ахса юлч̣еç Эт̣е иртсе кайнине.</i></p>	<p>Девушку [держит] в нежных объятьях, Голову положил на нее. Лишь холодным взглядом посмотрели, Как я прошла.</p>
<p><i>Киле к̣ет̣ём те хурлант̣ам, Куçам тулч̣е куçсульпе. Куçсуль витер аса илт̣ём Икк̣ен ларн̣а каçсене.</i></p>	<p>Домой зашла и опечалилась, Глаза наполнились слезами. Сквозь слезы вспомнила Вечера, когда мы сидели вдвоем.</p>
<p><i>Уй̣р̣алмаик̣ан й̣ыв̣ар теçç̣е, Эт̣е с̣ам̣алах уй̣р̣алт̣ам – Икк̣ен ларн̣а сак сине П̣ёчченех ларса юлт̣ам.</i></p>	<p>Говорят, что расставаться тяжело, Я легко рассталась – На скамейке, где сидели вдвоем, Осталась сидеть одна.</p>

²⁶ Записано от З. В. Красновой (1924 г. р.) и О. И. Никифоровой (1927 г. р.) в д. Казанка.

²⁷ Некоторые строки при звучании песни повторяются. В приведенном здесь тексте повторы опущены.

Наряду с собственно чувашскими песнями интонационная культура чувашей Казачинского района включает в себя пласт жанров, заимствованных из русской традиционной музыки [Исмагилова, 2017, с. 20]. К ним относятся лирические песни поздней традиции, частушки, отдельные образцы хороводных песен и духовных стихов, звучащие на чувашском языке, фольклоризованные православные песнопения. Среди них песня авторского происхождения с сюжетом о юноше и подневольном замужестве его возлюбленной (*Вӑрман айӗнче, Ҷавраш пуҫӗнче – Рядом с лесом, у истоков [реки] Савруши*), песня о вороне, являющаяся чувашской версией русской песни о черном вороне и раненом солдате (*Аслӑ улӑх, ай, вӑрринче – Посреди большой, ай, степи*), песня об убийстве девушки Насти во время масленичных гуляний (*Ҷ[ӑ]варни ҫитнӗ майӗне – По случаю прихода масленицы*)²⁸. На наш взгляд, зафиксированные лирические песни с чувашскими текстами и напевами русских песен поздней традиции принадлежат уже чувашской фольклорной традиции, поскольку их текстовая основа в большинстве случаев заметно трансформирована чувашскими народными исполнителями: в русские по происхождению тексты внесена чувашская образность и характерные поэтические приемы, заимствованы и переосмыслены сюжеты из других русских песен, в результате чего родились, по сути, новые тексты.

Частушки – один из самых популярных и любимых исполнителями жанров фольклора XX в., занимают важное место и в репертуаре чувашей Казачинского района. Спектр тем, затрагиваемых в этих афористических текстах, достаточно широк: в них говорится о милоте, о чувствах и эмоциях молодых людей. Зачастую в частушках присутствует тема пляски как очень частой ситуации воспроизведения этого жанра. Встречаются тексты и иного, более серьезного содержания:

*Чупрӑм антӑм ҫырмана*²⁹
Квак хут укҫа пуҫтарма.
Квак хут укҫа пичетсӗр те
Ман ҫамрӑк пуҫ телейсӗр.

Побежала, спустилась к реке
 Собирает синие бумажные деньги.
 Синие бумажные деньги без печати,
 Да моя молода голова без счастья.

Подобная лирико-философская тематика больше свойственна традиционным афористическим чувашским песням *ҫавра юрӑ*, однако в некоторых случаях эти тексты звучат и воспринимаются исполнителями именно как частушки³⁰.

Выводы

Охарактеризованные в статье материалы позволяют составить представление о поэтических особенностях народных песен чувашских переселенцев Красноярского края. Жанрово-стилевой состав песен неоднородный. Можно выделить группу образцов, имеющих узколокальное распространение. Как правило, это обрядовые или приуроченные к исполнению в определенных ритуальных ситуациях песни. Существует пласт текстов значительно более широкого распространения – их знают и поют и в Сибирском регионе, и в Поволжье. К этому пласту, носящему наддиалектный характер, относятся по большей части образцы непри-

²⁸ Подробный анализ этих песенных текстов см. в [Исмагилова, 2013].

²⁹ Записано в с. Рождественское от В. Ф. Васильевой (1934 г. р.).

³⁰ Более подробно о частушках, исполняемых сибирскими чувашами, в том числе чувашами Красноярского края, см. в [Исмагилова, 2019].

уроченной лирики – например, гостевая песня о бочке в двенадцать обручей (*Вун ик кӑйӑллӑ пичкине – С двенадцатью обручами бочку*), песня о переселении в Сибирь (*Атте мана шур пӳрт лартса парас тетчӑ – Отец мне хотел дом побелому построить*), лирическая песня (*Пирӑн урам анаталла – Наша улица к низовью*), песни с сюжетами и напевами, заимствованными из русской фольклорной традиции (*Вӑрман айӑнче, Саврайш пуҫӑнче – Рядом с лесом, у истоков [реки] Савруши; Аслӑ улӑх, ай, варринче – Посреди большой, ай, степи; С[ӑ]варни ҫитнӑ майӑне – По случаю прихода масленицы*), песни авторского происхождения (XX в.), некоторые частушки. Очевидно, что перед чувашскими переселенцами, приехавшими из разных мест, стояла задача выработки общего исполнительского репертуара. И его формирование стало возможным благодаря перечисленным выше, известным большинству песням.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что в населенных пунктах, где живут сибирские чуваша, родившиеся в Сибири или проведшие там детство (например, в деревне Казанке Казачинского района или в Еловке Большемуртинского района), лучше сохранились фольклорные тексты традиционных чувашских жанров. В других же населенных пунктах – д. Матвеевка, с. Рождественское (Казачинский район), где пели вместе носительницы традиции, приехавшие в Сибирь из разных районов Поволжья, более уверенно и охотно исполнялись именно образцы позднего пласта.

Среди перспектив дальнейшего развития этой темы укажем на изучение песенного фольклора чувашей Красноярского края в сравнении с материалами из других областей Сибирского региона, а также с фольклором материнских традиций, носителями которых изначально являлись сибирские чуваша. В подобном сравнительном ключе необходимо проведение и музыковедческого исследования рассмотренных песенных образцов. Сравнение с материнской традицией позволит определить степень сохранности чувашского песенного фольклора в Красноярском крае, рассмотреть процессы и явления, происходящие в условиях сибирской диаспоры.

Список литературы

Жимулева Е. И., Леонова Н. В. Фольклорные традиции чувашей Красноярского края: результаты экспедиции 2009 г. // Народная культура Сибири: Материалы XVIII Научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Амфора, 2009. С. 256–261.

Исмаилова Е. И. Русские песни поздней традиции в музыкальном фольклоре чувашей Сибири // *Rach sonogis*. 2013. № 7. С. 14–20.

Исмаилова Е. И. Современное состояние песенного фольклора чувашей Сибири // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 16–27.

Исмаилова Е. И. Песенная традиция чувашей Сибири в свете теории интонационной культуры этноса // Вестник КемГУКИ. 2018. Вып. 45/1. С. 39–49.

Исмаилова Е. И. Русские частушки в музыкально-фольклорных традициях теленгитов Улагана и сибирских чувашей // Вестник КемГУКИ. 2019. № 49. С. 93–105.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.

Леонова Н. В. К проблеме изучения фольклора неславянских переселенцев Сибири // Мельниковские чтения: Материалы VII Межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 19 февраля 2015 г. / Под ред. Н. В. Леоновой. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2015. С. 53–56.

Федотова (Ермилова) Е. В. Жанр переселенческих песен и его место в фольклорном исполнительстве (на материале современных записей) // Художественно-творческое наследие чувашей в современном фольклорном исполнительстве. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 64–69.

Чуваши: история и культура / Отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 2. 335 с.

Шахов П. С. К изучению локальных фольклорных традиций народов Поволжья автохтонного и сибирского бытования (о проекте по созданию интерактивного атласа звучащих текстов) // Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8, № 2. С. 87–101.

References

Chuvashi: Istoriya i kul'tura [Chuvash: history and culture]. V. P. Ivanov (Ed.). Cheboksary, Chuvash kn. izd., 2009, Vol. 2, 335 p.

Fedotova (Ernilova) E. V. Zhanr pereselencheskikh pesen i ego mesto v fol'klornom ispolnitel'stve (na materiale sovremennykh zapisey) [Genre of resettlement songs and its place in folklore performance (based on modern recordings)]. In: *Khudozhestvenno-tvorcheskoe nasledie chuvashy v sovremennom fol'klornom ispolnitel'stve* [Artistic and creative heritage of the Chuvash in modern folklore performance]. Cheboksary, ChSIN, 2009, pp. 64–69.

Ismagilova E. I. Pesennaya traditsiya chuvashy Sibiri v svete teorii intonatsionnoy kul'tury etnosa [The song tradition of the Chuvash people of Siberia in the light of the theory of intonation culture of the ethnos]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2018, no. 45/1, pp. 39–49.

Ismagilova E. I. Russkie chastushki v muzykal'no-fol'klornykh traditsiyakh telengitov Ulagana i sibirskikh chuvashy [Russian chastushkas in the musical and folklore traditions of Ulagan Telengits and Siberian Chuvash]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2019, no. 49, pp. 93–105.

Ismagilova E. I. Russkie pesni pozdney traditsii v muzykal'nom fol'klоре chuvashy Sibiri [Russian songs late in the musical traditions of the Chuvash folklore of Siberia]. *Pax sonoris*. 2013, no. 7, pp. 14–20.

Ismagilova E. I. Sovremennoe sostoyanie pesennogo fol'klora chuvashy Sibiri [The current state of song folklore of the Siberian Chuvash]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 2, pp. 16–27.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, PER SE, 2007, 288 p.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka v zerkale paralleley: k probleme Volgo-Ural'skoy muzykal'noy tsivilizatsii* [Chuvash music in the mirror of parallels: to the problem of the Volga-Ural musical civilization]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2018, 447 p.

Leonova N. V. K probleme izucheniya fol'klora neslav'yanskikh pereselentsev Sibiri [On the problem of studying the folklore of non-Slavic settlers of Siberia]. In: *Mel'nikovskie chteniya: Materialy 7 Mezhhregion. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk, 19 fevra-*

lya 2015 g. [Melnikov readings: Proceedings of the 7th Interregional Scientific-Practical Conf. Novosibirsk, February 19, 2015]. Novosibirsk, NSRSL Publ., 2015, pp. 53–56.

Shakhov P. S. K izucheniyu lokal'nykh fol'klornykh traditsiy narodov Povolzh'ya avtokhtonogo i sibirskogo bytovaniya (o proekte po sozdaniyu interaktivnogo atlasa zvuchashchikh tekstov) [To the study of local folklore traditions of the peoples of the Volga region of autochthonous and Siberian existence (about the project to create an interactive atlas of sounding texts)]. *Journal of Musical Science*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 87–101.

Zhimuleva E. I., Leonova N. V. Fol'klornye traditsii chuvashy Krasnoyarskogo kraya: rezul'taty ekspeditsii 2009 g. [The folklore traditions of the Chuvash people of Krasnoyarsk Krai: the results of the expedition of 2009]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 18 Nauchnogo seminar-simpoziuma Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: Proceedings of the 18th scientific seminar-symposium of the Siberian regional university center for folklore]. Omsk, Amfora, 2009, pp. 256–261.

Информация об авторе

Екатерина Игоревна Исмаилова, кандидат искусствоведения
WoS Researcher ID K-3370-2017
RSCI Author ID 668630
SPIN 4399-9194

Information about the author

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Art History
WoS Researcher ID K-3370-2017
RSCI Author ID 668630
SPIN 4399-9194

*Статья поступила в редакцию 05.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 20.07.2022
The article was submitted 05.07.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 20.07.2022*